

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22>

КРИТИКА ПОЛОЖЕНИЙ ЗАКОНОПРОЕКТОВ, ПОДГОТОВЛЕННЫХ МУРАВЬЕВСКОЙ КОМИССИЕЙ, В ОТЗЫВАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОКРАИН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Михаил Борисович Аверин

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

averin.mb@yandex.ru

Аннотация

В статье анализируются критические замечания на отдельные положения проектов Судебных уставов, подготовленных Муравьевской комиссией, из отзывов генерал-губернаторов национальных окраин Российской империи. Целью работы выступает выявление общих и особенных черт данных замечаний, а также представлений генерал-губернаторов об эффективности применения на местной практике планируемых изменений судебных установлений. В работе используются сравнительно-правовой и историко-правовой методы исследования. Кроме того, делается вывод о том, что наличие сильной генерал-губернаторской власти на окраинах Империи сыграло положительную роль – относительно самостоятельные главные начальники губерний донесли в своих отзывах мысль о том, что идея унификации судебной системы Империи сталкивается с местными особенностями окраин, а потому требует определенных отступлений от общей модели.

Ключевые слова: Судебная реформа 1864 г.; Муравьевская комиссия; национальные окраины Российской империи.

Для цитирования: Аверин М. Б. Критика положений законопроектов, подготовленных Муравьевской комиссией, в отзывах генерал-губернаторов национальных окраин Российской империи // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 4. С. 12–22. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22>

Research Article

CRITICISM OF THE PROVISIONS OF THE BILLS PREPARED BY THE MURAVYOV COMMISSION IN THE REVIEWS OF THE GOVERNORS-GENERAL OF THE NATIONAL OUTSKIRTS OF THE RUSSIAN EMPIRE

Mikhail B. Averin

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow,
117638, Russia
averin.mb@yandex.ru

Abstract

The article analyzes critical remarks on certain provisions of the draft Judicial Statutes prepared by the Muravyov Commission from the reviews of the governors-general of the national outskirts of the Russian Empire. The purpose of the work is to identify the general and special features of these comments, as well as the views of the governors-General on the effectiveness of the planned changes in judicial regulations in local practice. The work uses comparative legal and historical-legal research methods. In addition, it is concluded that the presence of a strong governor-general's authority on the outskirts of the empire played a positive role – the relatively independent chief chiefs of the provinces conveyed in their reviews the idea that the idea of unifying the judicial system of the empire collides with the local characteristics of the outskirts, and therefore requires certain deviations from the general model.

Keywords: Judicial Reform of 1864; Muravyov Commission; national outskirts of the Russian Empire.

For citation: *Averin M. B. Criticism of the Provisions of the Bills Prepared by the Muravyov Commission in the Reviews of the Governors-General of the National Outskirts of the Russian Empire. Herald of the Russian Law Academy, 2024, no. 4, pp. 12–22. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2024-0-4-12-22>

Введение

Создание и деятельность Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части (Муравьевской комиссии), учитывая масштаб задуманных преобразований и объем законоподготовительных работ, продолжают выступать предметом изучения со стороны отечественных исследователей. Работы М. В. Немытиной [1; 2], К. П. Краковского [3; 4] и некоторых других ученых [5–9],

безусловно, имеют важное значение для изучения данной проблемы. Они анализируют общие принципы задуманных преобразований Судебных уставов 1864 г., политическую направленность реформы, отношение юристов и общественности к результатам деятельности Комиссии, а также отдельные аспекты преобразований в области судостроительства и судопроизводства. Новейшие исследования, в отличие от советского периода, поддерживая критические взгляды современников планируемой реформы, тем не менее дают более взвешенную оценку деятельности Муравьевской комиссии, скрупулезно рассматривают причины ее неудачной деятельности [1, с. 296–299; 3, с. 22–24].

Обширное наследие Комиссии в виде материалов, отзывов, мнений и записок, идей, высказанных в ходе ее работы, становится по-настоящему бесценным источником по истории функционирования дореволюционной судебной системы, ее институтов и судопроизводства, позволяет получить представление об эффективности применения положений Судебных уставов, возможности их модернизации, приспособления к новым условиям быстро развивающегося российского общества.

Обширная территория Российской империи, наличие в ее составе национальных окраин, где существовали серьезные отступления от общей модели судостроительства и судопроизводства, также были в центре внимания в ходе деятельности комиссии. Сам Н. В. Муравьев отмечал необходимость большей унификации судебной системы Империи, которая на практике, например, при распространении Судебных уставов на Туркестанский и Степной край в самом конце XIX в. (когда работы по подготовки новых судебных уставов были уже близки к завершению) только продолжала обрывать местными особенностями.

Поэтому крайне важным, как нам представляется, может быть анализ отзывов на законопроекты, подготовленные Высочайше учрежденной комиссией, которые дали представители высшей имперской администрации окраин – генерал-губернаторы, главноначальствующий гражданской частью на Кавказе и финляндский министр статс-секретарь. Эти отзывы могут в некоторой мере пролить свет на состояние судебных институтов, определить общие проблемы и недостатки законоположений проектируемых Судебных уставов с точки зрения местных чиновников.

Необходимо отметить и то, что при подготовке работы комиссии в 1895 г. были собраны отзывы о состоянии судебной части из всеподданнейших отчетов губернаторов и генерал-губернаторов. Однако последние не входят в предмет настоящего исследования. Необходимо отметить, что в рамках данной работы анализируются лишь отдельные вопросы, попавшие в поле зрения отзывов главных начальников губерний.

1. «Уездные судьи и следственные судьи»

31 декабря 1899 г. и 29 февраля 1900 г. министр юстиции двумя отношениями посылает на отзыв главам центральных ведомств и генерал-губернаторам проекты Учреждения судебных установлений, Устава уголовного судопроизводства и Устава гражданского судопроизводства [10–12], ставшие результатом работы Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части. Отзывы на проекты были собраны и опубликованы в 1901 г.

Относительной новеллой нового судоустройства было введение участковых судей, выступавших самой низшей инстанцией по малозначительным уголовным и гражданским делам. Округ каждого окружного суда теперь мог делиться на судебные, судебно-следственные и следственные участки. В первом случае там находились участковые судьи, которые выполняли лишь судебные функции, во втором – участковые судьи, которые судили и одновременно выполняли функции бывших судебных следователей, т.е. занимались предварительным расследованием теперь лишь по наиболее важным уголовным делам. В последнем случае – участковые судьи, которые вели исключительно предварительное следствие, именовались, как и во Франции, участковыми следственными судьями [12, с. 12–13]. Кроме того, из состава окружных судов министром юстиции могли назначить окружных следственных судей. Мировой выборный суд в проекте не предусматривался. Против такого положения возражали члены комиссии И. П. Закревский и А. Ф. Кони [12, с. 4].

Институт участковых судей в судебно-следственном варианте вызвал самый живой отклик в отзывах генерал-губернаторов. Исполняющий делами туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенант А. И. Иванов в отзыве от 15 июля 1900 г. не мог не обратить внимание на то, что в проекте отсутствует требование согласия местного генерал-губернатора при назначении кандидатов на должность участкового судьи, т.е. судебного чиновника, личность которого (в отличие от чинов окружных судов) может быть известна и даже должна быть известна туркестанской администрации, так как кандидат должен быть знаком с местными условиями [13, с. 61].

Иванов решительно возражает против «соединения в одном лице следственных и судебных властей, с ограничением, в возможных пределах, случаев, требующих предварительного следствия» [13, с. 62]. Он критикует уже имеющуюся практику соединения в лице участкового мирового судьи на окраинах судебных и следственных обязанностей, пишет о том, что туркестанская судебная власть вынуждена в большинстве случаев выделять специальные следственные участки, закрепляя их за отдельными судьями, осуществляющими только следственные действия, т.е. существующая практика прямо расходилась с планируемыми преобразованиями [13, с. 62–63]. Из года в год растет загруженность судей. Поэтому предлагается для Туркестанского края оставить разделение и судебной, и следственной власти: «Задача, поставленная проектами, приблизить судебную власть к народу – вряд ли может быть достигнута путем соединения в одном лице судебной и следственной властей» [13, с. 64].

Близким по духу был отчет главноначальствующего гражданской частью на Кавказе кн. Г. С. Голицына. Пожалуй, из всех главных начальников окраин он подошел к подготовке отзыва наиболее серьезно. Кавказский край остро нуждался в административных преобразованиях, в усилении судебно-следственной власти, а Судебные уставы здесь начали действовать раньше других национальных окраин. Поэтому Голицын образовал особую Комиссию для рассмотрения проектируемых в Кавказском крае нововведений по судоустройству и судопроизводству под председательством тайного советника И. В. Мицкевича в составе: эриванского вице-губернатора кн. М. А. Накашидзе, юрисконсульта по судебным делам В. Н. Ефремова, правителя канцелярии Кутаисского военного губернатора В. П. Чернова [13, с. 284–297]. Результаты работы Комиссии обсуждались в Совете главноначальствующего

ющего гражданской частью на Кавказе [13, с. 297–338]. В весьма представительный состав Совета входили старший председатель Тифлисской судебной палаты С. Б. Враский и сам Мицкевич. Содержание журналов, подготовленных по результатам деятельности совета и комиссии Мицкевича, стало предметом обсуждения большой статьи в либеральной газете «Право» [14; 15]. Кн. Голицын практически полностью (кроме вопроса о суде присяжных) согласился с мнением Совета и Комиссии Мицкевича, а газетная публикация усилила критику положений проектов Судебных уставов, предпринятую данными учреждениями.

В отзыве Голицына указывается на неудовлетворительный опыт соединения в лице участковых мировых судей судебных и следственных функций. Это происходит в том числе и по причине плохого состояния путей сообщения в крае. Кроме того, это сказывается на быстроте отправления правосудия судьей, постоянно находящимся в разъездах по следственным делам. Комиссия отметила, что на Кавказе действовало два варианта участковых мировых судей: со смешанными следственно-судебными полномочиями (следственно-мировые), где, однако, полномочия разделялись между мировым судьей и его помощником, и полностью судебно-мировые [13, с. 300]. И первый вариант полностью себя не оправдал. Судебные участки должны быть уменьшены в размерах. Самый простой вариант решения вопроса с предварительным следствием был очевиден – увеличение числа судебных следователей.

Далее главноначальствующий повторяет мысль туркестанского генерал-губернатора о том, что проект совершенно устраняет (в пользу министра юстиции) от процедуры назначения местных участковых судей и других низших судебских чиновников главноначальствующего и губернские власти. Такая практика не позволит учитывать местную «политическую» (этническую и конфессиональную) специфику [13, с. 279].

Исполняющий делами приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенант А. С. Бенеvский прежде всего указал на то, что в крае мировые судьи были введены лишь три года назад. У русских поселенцев, выходцев из европейской России, с «наименованием мирового судьи» связываются положительные представления о новых судебных учреждениях. «Участковый судья» скорее будет ассоциироваться у населения с дореформенными судебными порядками, о которых сохранилась «плохая память» [13, с. 345]. Предпочтительно было бы оставить старые наименования – «мировой судья» и «судебный следователь».

Соединение в руках участкового судьи судебных и следственных полномочий с точки зрения существующего опыта оказалось неудобным. Такое возможно только в совсем малонаселенных местностях, где можно на этом экономить, но не в городах и на территориях, прилегающих к железным дорогам.

Исполняющий делами степного генерал-губернатора генерал-лейтенант Н. И. Санников подобно своим коллегам в мягкой форме предлагает урегулировать вопрос о более тесной связи генерал-губернатора с судами [13, с. 360].

Иркутский генерал-губернатор генерал-лейтенант Пантелеев отмечает, что пятилетний опыт осуществления следственных действий мировыми судьями оказался неудовлетворительным, ведущим к замедлению производства дел [13, с. 892].

Местная специфика организации судебной системы Варшавского генерал-губернаторства и совершенно изолированная система судоустройства Великого княжества Финляндского стали причиной того, что местные генерал-губернаторы не были озабочены положением новых участковых судей и следственных участковых судей.

2. Реформа дознания и прокуратура

Статья 107 проектируемого Устава уголовного судопроизводства закрепляла, что теперь дознание, производимое полицейскими чинами, «состоит, независимо от розысков, в производстве по правилам, постановленным для предварительного следствия допросов свидетелей, осмотров, освидетельствований, обысков и выемок» [11, с. 29]. Такое дознание проводится по делам, где не было предусмотрено законом проведение предварительного следствия. Фактически полиция наделялась правом проведения предварительного расследования по значительному числу уголовных дел в несколько упрощенном порядке. Это нововведение Министерства юстиции и Муравьева, по своей сути верное, позволяющее решить проблему роста вала уголовных расследований и нехватки «дорогих» и квалифицированных судебных следователей, опередило свое время и могло работать лишь в более развитых странах. Советская и российская практика пошла именно по этому пути и не вызвала каких-либо нареканий.

В России рубежа XIX–XX вв. уровень подготовки полиции был пока еще весьма слабым, а создание специальной судебно-следственной полиции потребовало бы значительных финансовых затрат и столкнулось бы с кадровым голодом. На проведение дознания полицией было легче оказать давление. В. А. Желеховский, А. Ф. Кони, Н. А. Ливен, Н. Н. Мясоедов, В. К. Случевский и И. Я. Фойницкий допускали дознание в подобной форме лишь по неотложным делам [11, с. 30].

Подобные соображения повлияли и на отзывы отдельных генерал-губернаторов. Генерал-лейтенант А. И. Иванов отмечает, что количественный состав административно-полицейских сил в Туркестане крайне мал, а сельская полиция в крае вообще отсутствует, учитывая состав населения, не появится и в обозримом будущем, и проведение дознания – фактически предварительного следствия требует увеличения полицейского состава [13, с. 62].

Главноначальствующий гражданской частью на Кавказе возражает против того, что полиция попадает, благодаря введению нового дознания под власть прокуратуры, под контроль прокуратуры (делают выговоры и замечания) и министра юстиции (последний может даже сделать поощрение) [13, с. 277].

Кроме того, полиция в Кавказском крае прежде всего пресекает преступления, преследует разбойников «почти в одинаковых условиях с полем военных действий», а потому от нее требуются иные качества. Полиция малочисленна, обременена множеством обязанностей [13, с. 276]. Комиссия Мицкевича прямо выступила против предполагаемого введения испытаний для полицейских чинов, привлекаемых к дознанию, в отношении урядников, а для околоточных надзирателей в состав экзаменационной комиссии должны входить представители местной администрации [13, с. 315].

Генерал-лейтенант А. С. Беневский отмечает, что полиция в Приамурском крае больше знакома с военными обязанностями, нежели с полицейской службой. Поэтому полицейские чины мало знакомы с уголовными законами и тонкостями дознания, а проектируемые меры возможны в крае лишь при условии усиления штатов, улучшения качества личного состава, а значит, потребуются дополнительные финансовые средства [13, с. 276].

Исполняющий делами степного генерал-губернатора генерал-лейтенант Н. И. Санников высказывает опасение за качество расследования полицией под руководством прокуратуры достаточно важных и сложных дел [13, с. 274–376].

Министр юстиции Н. В. Муравьев и отдельные представители данного ведомства, прошедшие прокурорскую школу, продолжали выступать за расширение области прокурорского надзора, введение фактически общего прокурорского надзора за государственными учреждениями. От этой весьма спорной модели прокурорского надзора, как и территориальной организации прокуратуры, разумно отказались составители Судебных уставов 1864 г. Затем сфера прокурорского надзора несколько расширилась. Статья 112 проекта Учреждения судебных установлений стала попыткой возрождения в определенной мере прежнего прокурорского надзора над административными учреждениями. Прокурорские чины, при исполнении обязанностей, предусмотренных законом, обнаружившие существенные от него отступления, были обязаны в порядке подведомственности сообщить об этом министру юстиции (как генерал-прокурору) [12, с. 41]. Поэтому трудно согласиться с мнением С. М. Казанцева о том, что Комиссия Муравьева лишь обсуждала проблему увеличения прав в области общего надзора [7, с. 153].

И дело было вовсе не в поддержании пресловутой законности. Представители местной власти не могли не обратить свое внимание на это положение, умалявшее их полномочия, ставившее местную администрацию под мелочный, избирательный контроль прокуратуры и министра юстиции. Подобные права дореформенной прокуратуры отнюдь не способствовали достижению должного уровня правопорядка.

Главначальствующий гражданской частью на Кавказе прямо пишет о том, что прокурорские чины, участвующие в качестве членов в заседаниях различных административных учреждений, теперь были обязаны доносить о нарушениях закона министру юстиции. Подобную практику кн. Голицын находил «совершенно неуместной» [13, с. 272], так как современная ему администрация, в отличие от дореформенной, действует на основе закона, многие служащие имеют высшее образование с приличной оплатой труда и надлежащим опытом работы. Кроме того, имеется соответствующий административный надзор со стороны начальства. Поэтому проектируемое вторжение Министерства юстиции в дела иных ведомств приведет лишь «к бесконечным пререканиям между различными ведомствами и не дало бы в большинстве случаев практических результатов» [13, с. 272]. С этими словами трудно не согласиться, но для прокурорских чинов, Министерства юстиции и амбициозного генерал-прокурора, думается, важным было увеличение своего веса и влияния в системе органов государственной власти.

Желая обезопасить себя от лишних хлопот, Голицын выступает против подачи жалоб на неправильные действия служащих администрации, помимо непосредственного начальства, чинам прокуратуры.

Он отрицательно относится и к вполне разумной мере – праву прокурора «требовать от начальства должностного лица возбуждения против последнего преследования, а в некоторых случаях предлагать судье производить следствия, уведомив лишь о том начальство сего лица» [13, с. 273].

В отзыве главноначальствующего прямо говорится о том, что в проекте явно присутствует желание поднять значение прокурорского надзора, поставить его в начальственное положение в отношении полиции, вооружить его правом «награждать и карать» [13, с. 274].

3. Отзывы финляндского генерал-губернатора и министра статс-секретаря

Финляндский генерал-губернатор генерал-адъютант Н. И. Бобриков был последовательным сторонником интеграции управления и правовой системы Великого княжества Финляндского в общеимперский государственный и правовой строй. Выступая ярким противником широкой финляндской государственной автономии, Бобриков проектировал соответствующие меры, направленные на унификацию управления и права края с Империей. В отчете, написанном в данном духе, поддерживается идея, высказанная Министерством финансов из области уголовного судопроизводства, о совместном рассмотрении дел соучастников, совершивших преступление в княжестве, в одном имперском суде, но с применением в необходимых случаях местных финляндских законов.

Данное правило должно распространяться на уголовные дела: если преступление совершается совместно должностными лицами Княжества и Империи; если в преступлении, совершенном в Княжестве, участвовали имперские подданные; когда местные уроженцы участвовали в преступлении по службе, совершенном в Княжестве, имперским должностным лицом [13, с. 51]. Генерал-губернатор отмечает, что комиссия отказалась включить это предложение в проект, опасаясь трудностей, связанных с применением финляндского законодательства. Бобриков считает такие опасения совершенно беспочвенными.

Полное государственное единство России, по мнению генерал-губернатора, должно поддерживаться существованием единых уголовных законов. Разница в уголовном законодательстве Империи и Княжества «является трудно объяснимой» [13, с. 58]. Особенности законы могут существовать в гражданско-правовой сфере, но не в уголовно-правовой. Так, например, «первым актом единенной (а не единой) Германской империи, состоявшейся, под одним общим главенством, из самостоятельных государств, различных по религии, нравам и обычаям, – было издание единого уголовного кодекса» [13, с. 53]. Кроме того, в Финляндии продолжает действовать устаревшее судостроительство и судопроизводство на инквизиционных началах, поэтому настоятельно требуется преобразование местного судебного строя на основе передовых имперских Судебных уставов.

Финляндский министр статс-секретарь представлял дела по местному управлению Великого княжества российскому монарху. В данный период этот пост занимал энергичный, жаждавший карьерного роста В. К. Плеве. Он выступал поборником популярного в верхах курса на сокращение автономных прав Финляндии.

В отзыве Плеве выступает за более детальное урегулирование вопроса о преступлениях финляндских и русских уроженцев, за непосредственные сношения

(а не через министра юстиции и министра статс-секретаря) между судами Империи и Княжества [13, с. 252]. Он также поддерживает идею комиссии возложить разрешение споров о подсудности между финляндскими и имперскими судебными установлениями на Общее собрание судебных департаментов Сената. Однако предлагает приглашать на такие заседания двух членов Императорского финляндского Сената [13, с. 257].

Заключение

М. В. Немытина назвала проекты новой редакции Судебных уставов «мертво-рожденными», указывая на то, что колоссальный труд Муравьевской комиссии оказался пустой тратой времени [1, с. 299]. Основная причина такого положения заключалась в том, что задачи, поставленные перед комиссией, носили противоречивый характер, а значительное переустройство судебной системы требовало иной материальной и кадровой базы. На эти трудности и обратили внимание в своих отзывах главные начальники губерний. Предварительное следствие и новое дознание, предусмотренные в проектах комиссии, явно плохо бы работали в тепличных условиях центральных губерний страны. Еще хуже, по справедливому мнению генерал-губернаторов, с этими институтами было бы в условиях окраин. Прекрасная идея о передаче части предварительного следствия полиции могла работать лишь в далеком будущем, когда количественный и качественный уровень полиции окажется на должной высоте. Идею вернуть общий надзор прокуратуры над административным аппаратом сразу же подверг критике самый «сильный» из главных начальников губерний – главноначальствующий гражданской частью на Кавказе. И он, защищая собственные полномочия, был в значительной мере прав в такой критике. Небольшое рациональное зерно в этой затее перевешивалось простым желанием министра юстиции увеличить свое влияние. Идея генерал-губернатора Бобрикова с интеграций в судебной сфере Великого княжества Финляндского в общегосударственный строй несколько запоздала (начало его бурной деятельности практически совпало с окончанием работ комиссии), да и не имела пока каких-либо серьезных конкретных предложений.

Надо сказать, что интересы управления национальными окраинами все же не находились в центре внимания работы комиссии, хотя, конечно, выступали предметом дискуссий. Наличие сильной генерал-губернаторской власти на окраинах Империи, которое подвергалось критике, в данном случае сыграло положительную роль – относительно самостоятельные главные начальники губерний еще раз донесли в своих отзывах мысль о том, что идея унификации судебной системы (как, впрочем, и администрации) Империи сталкивается с местными условиями окраин, а потому требует определенных отступлений от общей модели.

Пристатейный библиографический список

1. *Немытина М. В.* Суд в России: вторая половина XIX – начало XX вв. : дис. ... докт. юрид. наук. М., 1999.
2. *Немытина М. В.* Судебная реформа и комиссия Н. В. Муравьева : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1987.

3. *Краковский К. П.* Незавершенная судебная контрреформа: Муравьевская комиссия (1894–1899 гг.) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2018. № 4.
4. *Краковский К. П., Соломко З. В.* История суда и правосудия в России : в 9 т. Т. 5 : Судостроительство и судопроизводство в период контрреформ и в эпоху буржуазных революций (1881 – октябрь 1917 года) / отв. ред. В. М. Сырых. М. : НОРМА, 2020.
5. *Горяинова Е. Ю.* Пересмотр уголовно-процессуального законодательства, возглавляемый Высочайше утвержденной комиссией под председательством Н. В. Муравьева // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7 (44).
6. *Ефремова Н. Н.* Министерство юстиции Российской империи, 1802–1917 гг.: историко-правовое исследование. М. : Наука, 1983.
7. *Казанцев С. М.* История царской прокуратуры. СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1993.
8. *Сорокин А. А.* Вопрос о реформе местного суда Российской империи: власть и общество (1889–1912) : дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2017.
9. *Щедрин Ю. В.* Вопросы правового обеспечения несменяемости судей в деятельности Высочайше учрежденной комиссии для пересмотра законоположений по судебной части // Genesis: исторические исследования. 2014. № 6.
10. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Объяснительная записка к проекту новой редакции Учреждения судебных установлений. Т. 2. Ч. 1.2: Общие вопросы судостроительства. СПб. : Сенат. тип., 1900.
11. Проект новой редакции Устава уголовного судопроизводства, составленный Высочайше утвержденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенат. тип., 1900.
12. Проект новой редакции Учреждения судебных установлений, составленный Высочайше утвержденной комиссией для пересмотра законоположений по судебной части. СПб. : Сенат. тип., 1900.
13. Высочайше утвержденная комиссия для пересмотра законоположений по судебной части. Свод отзывов ведомств по выработанным Комиссией законопроектам. СПб. : Сенат. тип., 1901.
14. Право. 1901. № 25.
15. Право. 1901. № 26.

References

1. *Nemytina M. V.* Court in Russia: The Second Half of the 19th – Early 20th Centuries: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 1999. (In Russ.)
2. *Nemytina M. V.* Judicial Reform and the Commission of N. V. Muravyov: Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 1987. (In Russ.)
3. *Krakovskii K. P.* Unfinished Judicial Counter-Reform: The Muravyov Commission (1894–1899). *North Caucasian Legal Bulletin*, 2018, no. 4. (In Russ.)
4. *Krakovskii K. P., Solomko Z. V.; Syrykh V. M. (ed.).* The History of Court and Justice in Russia. In 9 vols. Vol. 5: The Judicial System and Judicial Proceedings During the Counter-Reform Period and in the Era of Bourgeois Revolutions (1881 – October 1917). Moscow: Norma, 2020. (In Russ.)

5. *Goriainova E. Iu.* Revision of Criminal Procedure Legislation, Headed by a Highly Approved Commission Chaired by N. V. Muravyov. *Actual Problems of Russian Law*, 2014, no. 7 (44). (In Russ.)
6. *Efremova N. N.* Ministry of Justice of the Russian Empire, 1802–1917: Historical and Legal Research. Moscow: Nauka, 1983. (In Russ.)
7. *Kazantsev S. M.* The History of the Tsarist Prosecutor's Office. St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 1993. (In Russ.)
8. *Sorokin A. A.* The Question of the Reform of the Local Court of the Russian Empire: Power and Society (1889–1912): Thesis for a Candidate Degree in Historical Sciences. Nizhny Novgorod, 2017. (In Russ.)
9. *Shchedrina Iu. V.* Issues of Legal Support for the Irremovability of Judges in the Activities of the Highly Established Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. *Genesis: Historical Research*, 2014, no. 6. (In Russ.)
10. A Highly Approved Commission to Review the Legal Provisions on the Judicial Part. Explanatory Note to the Draft of the New Edition of the Institution of Judicial Institutions. Vol. 2. Part 1.2: General Issues of the Judicial System. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)
11. The Draft of a New Edition of the Statute of Criminal Proceedings, Drawn up by the Highly Approved Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)
12. The Draft of a New Edition of the Institution of Judicial Regulations, Drawn up by the Highly Approved Commission for the Revision of Legal Provisions on the Judicial Part. St. Petersburg: Senate Printing House, 1900. (In Russ.)
13. A Highly Approved Commission to Review the Legal Provisions on the Judicial Part. A Set of Reviews of Departments on Draft Laws Developed by the Commission. St. Petersburg: Senate Printing House, 1901. (In Russ.)
14. *Law*, 1901, no. 25. (In Russ.)
15. *Law*, 1901, no. 26. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. Б. Аверин – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

M. B. Averin – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 28.11.2024; принята к публикации 09.12.2024.

The article was submitted to the editorial office 28.10.2024; approved after reviewing 28.11.2024; accepted for publication 09.12.2024.